

1. Шпаргалка
2. Автор не указан, но моноавторский текст
3. Адресат – студент филологического факультета
4. Текст производный, подготовленный, неофициальный
5. Цель – информативная
6. Тема – «3 сестры»
7. Субстрат – лист бумаги
8. Орудие – клавиатура, средства – краска
9. Вид текста – компьютерный, вербальный, выполненный кириллицей, печатными буквами, черным цветом по ширине
10. Среда – студенческая
11. Ход – открытый, прерывистый
12. Соц.оценка – не хорошо
13. Текст связный, аккуратный, без ошибок

36. В «Трех сестрах» (1900—1901) продолжается та же тема «о жизни, принесенной в жертву идолу», о «вторжении красоты в нищенскую жизнь людей», о неизбежности изменения мира. В «Трех сестрах» уже раздаются слова о «здоровой, сильной буре, которая идет, уже близка», но эти героические слова произносит совсем не героический человек. Люди интеллигентные, мыслящие, в новой пьесе Чехова попрежнему бездеятельны, пассивны и не способны к изменению жизни, к борьбе за это изменение. Жизнь течет обычной чередой, разбивая мечты о счастье. Торжествуют «шершавые животные», как Наташа и Протопопов, а люди, подобные Вершинину или сестрам Прозоровым, оказываются побежденными грубой силой мещанства, но, полные великих предчувствий, они не теряют веры в лучшее будущее родной страны. С тревогой и волнением они думают и говорят о личном счастье в соотношении с общим смыслом жизни. Тузенбах убежден в том, что жизнь не имеет общего смысла, она следует своим таинственным законам, которых человек изменить не может; он должен довольствоваться только своим личным счастьем, которое представляет для него единственную радость, реально существующую во все времена. Вершинин, напротив, говорит о недостижимости личного счастья для людей его времени и мечтает о счастье грядущих поколений: «И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас. . . Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков». Его же поддерживает Маша, тоже не принимающая личного счастья вне общего смысла жизни: «Или знать для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава». Характерно, что в этом споре сторонник эгоистически понятой идеи личного счастья одновременно отстаивает и мысль о неизменности жизни. «Не то, что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою же, как и была». А его противники, возражая ему, говорят о необходимости и неизбежности коренных перемен. При всем своем жертвенном пессимизме они яснее чувствуют, куда идет жизнь. Правда, они только говорят о грядущих переменах, сами же они не в состоянии ничего сделать даже для изменения личной жизни, и в этом их трагедия. Они много и хорошо говорят о труде, но и труд для них не целесообразная деятельность, направленная на изменение мира, а некая жертва, которую они готовы принести неведомому и далекому будущему. Мечты, предчувствия, раздумья, надежды героев и в новой пьесе Чехова не всегда выражаются непосредственно и прямо. Сказать ясно и прямо о самом важном чеховские герои не могут отчасти из-за стыдливой деликатности, отчасти потому, что их мысли и чувства не поддаются логическому определению. Погруженные в себя, герои чеховских пьес часто не реагируют на слова своих собеседников и как бы не слушают их, но вместе с тем они всё-таки чутко понимают друг друга, потому что, каждый по-своему, они думают об одном и том же — о смысле жизни, личной и общей. Вся поэтика чеховской драмы основана на том, что людям не нужно говорить в унисон, чтобы понимать друг друга. В последних пьесах Чехова бытовые темы возникают и потухают, перебивая одна другую, образуя пестрый, беспорядочный и как бы случайный поток внешней жизни. В этот бытовой поток из «подводного течения» пьесы врываются лирические возгласы, объяснения в любви, разговоры о смысле жизни, слова о счастье. В «Трех сестрах», в 3-м действии, сестры говорят каждая о своем, плача, перебивая и почти не слушая одна другую, но все они говорят о самом важном, и это одно ведет их к взаимному пониманию, самому сердечному и трогательному. Это взаимное понимание персонажей чеховских пьес делает возможным внезапные разливы «подводного течения» в финале «Дяди Вани» и «Трех сестер». Тогда исчезают бытовые речи, пропадают недомолвки, паузы и слова — заместители скрытых чувств. Скрытое становится явным, и люди начинают говорить о прошлом и будущем счастье, о близости обновления мира, о наступающем конце житейских несообразностей. Эти монологи подчеркнута литературны, декламационны. Течение пьесы прерывается, и люди полным голосом говорят о том, что раньше на протяжении всей пьесы выражалось намеками, недомолвками и паузами.

Новаторская драматургия Чехова, явившаяся продолжением традиций классической русской драматургии, равно противостояла театру символизма с его отрешенностью от жизни, реакционной проповедью

«мифотворчества», культом узко личных переживаний. Драматургия Чехова, безгранично расширявшая возможности раскрытия психологии людей, их внутреннего мира, воспроизводила переживания героев как типические, тем самым глубоко развертывая конфликты, возникавшие в действительности.